

Живописец Иван Селиванов

7 января все любители и ценители наивной живописи отметят 101-летие со дня рождения художника Ивана Егоровича Селиванова. К имени Селиванова можно приложить множество превосходных эпитетов, но все они, тем не менее, будут недостаточны для определения величины этого человеческого и художественного явления. Лучше всего, думается, сказать, что Иван Селиванов был живописцем, писал жизнь. А уж его величину каждый его почитатель определит для себя особо.

Есть в том пространном письме-ответе и еще одна типично селивановская фраза: “Не верящий ни во что человек - есть идиот”. Захочешь сказать лучше, а не скажешь.

Выразителем самобытности земли Русской называл Селиванова член-корреспондент Академии художеств СССР заслуженный художник РСФСР С.М. Никиреев. Сам же Иван Егорович про себя писал: “В океане человечества моя личность - фигура не знатна, как капля воды”...

Правда, это была такая капля, нравственная крепость которой сейчас приводит в изумление многих: “Предлагали, предлагали мне, чтоб я в зарубежный музей работу продал. Когда выставка за рубежом была. Только я не отдал работу, а по совести - так сперва колебнулся. Потом долго думал: как это я лик свой запятнал - даже мысль такую в душу пустил. Это же как бы я мысленно Отечество хотел продать. Моя работа - для моей Родины”.

Ивана Селиванова нередко сравнивают с великими самобытными художниками

Винсентом Ван Гогом, таможенником Руссо, Нико Пиросмани. Встать в один ряд с этими людьми, несомненно, очень почетно, но Иван Егорович, в отличие от перечисленных художников, был еще и мудр глубокой народной мудростью. Он был прост до бесхитростности и глубок до беспредельности. Его записи поражают и еще долго будут поражать читающих их. Не знаешь, чего в Селиванове больше, - таланта живописного или литературного. На выставках его произведений приходилось видеть, как зрители по нескольку раз обходили его картины и рисунки, а потом надолго застыли возле огромных из желтой оберточной бумаги “записных листов”.

А ведь Селиванову жилось, особенно после смерти его жены Варвары Илларионовны, так плохо, что сердобольные женщины, убиравшие изредка в его доме и приносившие ему продукты, плакали от жалости к его судьбе. Однако он рисовал, писал, жил. Какая сила заставляла его изо дня в день брать в руки карандаш, кисть или перо? Талант, необходимость, понимание своей особой жизненной роли?

Его труды открылись нам, кузбассовцам, в 1985 году, когда свежий ветер перестройки только начал прогонять застойный воздух прежней эпохи. Их появление не сравнишь ни с ветром, ни даже с вихрем - они буквально взорвали нашу провинциальную действительность. На его первую (и, к сожалению, последнюю) полную выставку в Художественном музее, ходили как на демонстрацию торжества человеческого духа. А маленький (полтора метра в кепке и кирзовых сапогах) и живой Иван Селиванов стоял возле своего автопортрета и смотрел на посетителей мудро, спокойно и немного печально: кто-кто, а уж он наверняка знал, что время, когда трудно было не только свободно трудиться, а и просто жить, безвозвратно уходит в прошлое, а у порога стоит новая жизнь.

Но пожить в ней Ивану Егоровичу уже не довелось.

Владимир Валиулин.

Однажды режиссер-документалист Михаил Литвяков, снявший Ивана Селиванова в фильме “Люди земли Кузнецкой”, потрясенный ранним уходом из жизни своих друзей, в письме обратился к художнику с вопросом: что такое человек, смерть, жизнь? Ответ занял половину ученической тетради: “... Человек есть создатель хлеба - пищи и всех ценностей. Это самое главное. Это и есть жизнь человека... Конкретного ответа на вопрос “жизнь”? я еще ни от кого не слышал. В этом слове содержится все находящееся в природе и в самой земле живое. Пойми. Мертвого нет ничего...”

Эти слова: **“Пойми. Мертвого нет ничего”**, подчеркнутые Селивановым, поразили тогда Литвякова. Была середина 70-х годов XX века. Застойная удушливая атмосфера уже легла на умы интеллигенции. Творческая молодежь мучилась вопросами: что такое культура, духовность, равнозначны ли они цивилизации и образованию? Мучился этими вопросами и Литвяков. И после селивановского ответа, вспомнив его изображения собак, котов и овец с пронзительно-выразительными человеческими глазами, сквозь которые смотрела на мир душа художника, Литвяков подумал: “Быть может, это и есть духовность: относиться к миру, как к единому живому целому”.